

Этот рассказ написал наш давний друг и автор Геннадий Петрович Перминов. Он живет в Кулебаках, с увлечением занимается литературным трудом, к тому же возглавляет первичную организацию Кулебакской ГО ВОИ. Геннадий Петрович член Российского союза писателей, автор трёх персональных книг, лауреат и дипломант литературных конкурсов.

Счастье... Оно у каждого измеряется по-разному, и имеет свои, определенные ценности. У детей нынешнего поколения – крутостью айфонов, игровых приставок, а у нас, пацанов «совкового» периода были совершенно другие критерии и представления...

Стояли последние дни знойного июня тысяча девятьсот семьдесят второго года. Все работоспособное население нашей деревушки занималось заготовкой сена на длинную и суровую, северную зиму. Сенокосная страда была в самом разгаре.

А я собирался на рыбалку. В мае мне стукнуло десять полновесных годков, поэтому для полноценных полевых работ я покуда не успел дорасти, не говоря уже о таком мероприятии, как сенокос...

Нет, конечно же, я помог мамке на ферме, где она работала дояркой, встречал из стада миролюбивую и покладистую корову Зорьку, нянчился с младшей, препротивной и горластой сестрой Танькой, но это было не то. Хотелось чего-то другого, настоящего...

Я быстро накопил червей и теперь, привалившись к бревенчатой стене конюшни, млею в одуряющей, полуденной тени. Послышались шаги, и из-за угла вывернулся однорукий бригадир дядя Миша, который энергично размахивая уцелевшей левой рукой, решительно подошел ко мне.

– Вот ты где, – устало выдохнул он и вытер испарину тыльной стороной ладони. – Помощь твоя требуется, Геньша, – дядя Миша зорко посмотрел на меня из-под кустистых бровей, а я, моментально скинув с себя остатки ленивой полудремы, вскочил и широко распахнутыми глазами уставился на бригадира.

– Видал, косогор сейчас убираем? – он присел на бревно и, вытащив из кармана пиджака смятую пачку папирос, ловко вытряхнул оттуда полупустую «Беломорину». – Технику туда не пустишь, только лошадь может пройти, а мне на конские грабли посадить не кого, – посетовал он и, прикурив, выпустил тугую струю дыма. – Ты сможешь? – кратко поинтересовался дядя Миша, вопросительно и строго смотря мне прямо в глаза.

– Я... Я?! – я едва не задохнулся от счастья и оказанного мне доверия. – Конечно, смогу! – закричал я, едва не пустившись в пляс.

– Вот и хорошо, – кивнул бригадир и, поднявшись, вдавил окурок в землю. – Надо будет Василию, конюху сказать, чтобы грабли тебе подготовил, да Смиренку завтра помог запряхь. – Бывай, работник, – дядя Миша неожиданно улыбнулся и, неопределенно хмыкнув, скрылся за конюшней.

Я, осмысливая свалившееся на меня счастье, постоял еще несколько мгновений, а за-

тем, решительно вытряхнул из банки ошалевших от неожиданности свалившейся на них свободы червяков, бросился следом. Ну, деревенским, я думаю, не надо объяснять предназначение конных граблей, а городских и непосвященных я постараюсь немного озадачить.

Конные грабли – это сельскохозяйственное орудие, которое движется при помощи

гривы лошади колючие шарики репейника. – Смиренка – она кобылка умная и сама знает, что ей надобно делать.

В эту ночь я спал очень плохо, а если быть честным до конца, то не спал совсем. Боясь проспать, поминутно вскакивал и выходил в большую комнату, где спала мамка с сестрой, чтобы посмотреть на старенькие ходики, монотонно отсчитывающие время. Три часа... Четыре...

– Генка! – послышался за окном знакомый голос конюха Василия. – Ты где там!

– Батюшки! – я вскочил и едва не плача от досады, заметался по избе. – Проспал! – я схватил со стола приготовлен-

ную женщины. – Давай, разворачивайся поживее, а то скоро мужики подойдут, стога начнут метать, а у нас еще Смиренка не валялась! – последние слова молодой женщины, Галины, заглушил веселый смех.

– Здравствуйте, – я смущенно поздоровался и, спрыгнув с граблей, неуверенно огляделся. Нет, я неоднократно видел, как пацаны постарше лихо гребут сено на конных граблях, даже пробовал, но, чтобы самостоятельно...

– Вот, с середины начинай и гони валы к краям, – тихонько подсказала мне подошедшая Галина. – А мы за тобой будем копны собирать. Ну, давай потихонечку.

– Заканчивай уже, Генка! – откуда-то издали послышался голос Галины. – Хватит на сегодня, а то за ночь роса падет, и валки заново придется раскидывать! Вишь, сколько наворочал! Мужикам бы впору, дотемна, третий стог завершить!

Лошадка остановилась, а я очнулся и удивленно огляделся вокруг. Два завершённых стога, горделиво смотрели конусными верхушками в полыхающее оранжевым закатом небо, а третий стог был уже наполовину заметан.

– Поезжай домой, да завтра не задерживайся, – подойдя ближе, уже тише произнесла молодая женщина. – Ну, как тебе?

Я неопределенно пожал плечами и тяжело вздохнул.

– Устал, – понимающе кивнула головой Галина. – Поначалу так, а потом втянешься, привыкнешь, и все будет хорошо. Послезавтра закончит эту луговину, получим зарплату и за реку переезжать будем. Ежели понравится, то я поговорю с дядей Мишей, и он прикрепит тебя к нашей бригаде, – она вопросительно посмотрела на меня.

– Спина болит, – с трудом разжимая запекшиеся на солнце губы, невнятно промямлил я. – И руки.

– Оно и понятно, – весело рассмеялась женщина. – Напрыгался за день с непривычки, да на солнцепеке. Завтра будет легче.

Я приехал на конюшню, с помощью нетерпеливо поджидавшего меня Василия распряг кобылку и отправился домой. Скинул в сених набитые сеном трухой старенькие сандалии и, пройдя к столу, в изнеможении плюхнулся на стул, на отцовское место, возле окна.

– Утомился, мужичок ты мой? – мать пылливо посмотрела в мои, слипающиеся от усталости глаза и метнулась к плите. – Поздно ты нынче, вон, Танька-то спит уже давно. Сейчас я тебе щей налью. Только сварила, – она загремела кастрюлями. Вот, – мамка, осторожно держа в руках дымящуюся чашку, повернулась к столу и замерла. Положив голову на скрещенные руки, я спал крепким и здоровым сном утомившегося мужичка.

Я проснулся на широкой лавке, которая стояла вдоль русской печи, и с недоумением посмотрел на младшую сестренку, которая, пристально глядя на меня, с аппетитом уплетала пшеничную кашу. Сама!

Заметив, что я проснулся, она положила ложку и подошла ко мне.

– Давай, веди меня к бабе Клаве и смотри, не обмани с конфетами. С «Ласточкой». Ты мне вчера пообещал купить целый килограмм.

– Куплю, – неопределенно пробормотал я. – Наверное. Пока на твою «Ласточку» заработаешь – без спины останешься.

Я быстро сполоснул лицо, выпил стакан молока и, заметив, что сестренка обиженно надула пухлые щечки, подошел к ней.

– Ну, не кукусь. Пошли скорее, а то мне на работу надо бежать. Куплю я тебе конфет...

(Печатается в сокращении.)

Геннадий
ПЕРМИНОВ

Сенокос

запряженной в них лошади и сгребает скошенное сено в валки. Это научное определение, а если по-простому, то обычная борона для сбора сена на двух больших, металлических колесах, в которую впрягается лошадь.

Я помог конюху Василию смазать подшипники в колесах своего транспортного средства, пощелкал педалью сброса и прошел в пустую конюшню, где в дальнем стойле одиноко стояла Смиренка, низкорослая и покорная кобылка, полностью оправдывающая свою кличку.

– А где остальные лошади? – я растерянно оглянулся на конюха, стоявшего позади меня.

– Так на поденке все! – весело и словоохотливо отозвался Василий. – Шесть лошадей за рекой, на сенокосе трудятся, а четыре – по хозяйству. Телятам корма подвозят, да молоко в район повезли. Смиренка, вот, прихворнула малость, а теперича на поправку пошла и ее, стало быть, сразу в работу. Накось, угости ее морковинкой, – он вытащил из кармана морковку, вытер ее о штанину и протянул мне.

Я осторожно сунул ладонь в шелковистые губы кобылки и та, блаженно прикрыв глаза, с удовольствием захрумкала, а затем положила тяжелую голову мне на плечо и уробно вздохнула.

– Ты, больно, кобылку-то не насилуй, – поучал меня конюх, осторожно вытаскивая из

ный с вечера узелок с обедом и выбежал на улицу, где возле палисадника стоял Василий, держа под уздцы уже запряженную в грабли Смиренку.

– Все дрыхнешь, – насмешливо проворчал он, глядя на мою заспанную физиономию. – Тебя уже бабы обыскались.

Смутившись, я неловко залез на грабли, плюхнулся на металлическую чашку сиденья посредине агрегата и взял в руки вожжи, протянутые мне конюхом.

– Кобылку-то не дергай, – напутственно бормотал он. – Она свое дело знает. На, вот, возьми в дорожку, – он протянул мне небольшую банку, наполненную темной жидкостью.

– Что это? – я осторожно взял посудину и недоуменно повертел ее в руках, разглядывая.

– Деготь! – коротко ответил Василий. – От слепня – наипервейшее дело. А не то сожрут эти ироды и Смиренку и тебя. Живот ей мажь, не жалея, да за ушами протирай почаще, потому как там кожа тонкая и он, слепень этот проклятуший, оттуда в первую очередь норвит конской кровушкой полакомиться. Ну, поезжай с Богом, – напутствовал он меня. – Трогай, Смиренка, – Василий легонько шлепнул кобылку по крупу, и мы двинулись в луга.

– Здорово, Геньша! – вразной пошлостью приветствовали меня распаренные от одуряющего

Я вскочил на свою жесткую сидушку и умница-кобылка, не дожидаясь понукания, тронулась с места. Опустив длинным рычагом гребущий агрегат на землю, я немного проехал и неумело нажал на педаль сброса. Клац! Грабли поднялись и, обернувшись, я увидел оставленный сзади ровный валок. Клац! Второй валок! Третий... Четвертый... Разворот. Я успел поднять рычагом пружинящие зубья граблей, а лошадь сама подъехала к краю валка. Клац! Клац! Рычаг! Поворот! С каждым разом я увереннее давил на педаль и работал подъемным рычагом. Вожжи для управления лошадью мне были совершенно не нужны, и я привязал их к дужке сиденья. Душа моя ликовала и я, увлеченный работой, греб и греб ароматное, хрустящее сено, лишь изредка останавливаясь для того, чтобы намазать дегтем брюхо кобылки. Правда, это вонючее снадобье помогало очень слабо, но все-таки помогало... Я настолько увлекся работой, что не заметил, как подошли мужики и дружно, с шутками и веселым смехом сметали стог.

Клац! Клац! Ш-ш-ш-ш! Шорох сгребанного сена, веселый женский смех, шутливые выкрики стогометов – все это было там, вдалеке... Я работал! Как взрослый, наравне со всеми и, что самое главное – всей сущностью своего десятилетнего разума я осознавал то, что принимаю участие в большом деле!